



Кай Данн

СОПРОТИВЛЕНИЕ

18+

Рано или поздно ты увидишь в нем
Свое истинное лицо

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Кай Данн

Соппротивление

<https://litres.ru/73877076>

SelfPub; 2026

Аннотация

Город безжалостных правил и мёртвых тайн. Когда мать Дженнифер Гибсон погибает в башне Белфордов, она бросает вызов тем, кто считает себя богами. Одна девушка против целого преступного клана.

Но главная опасность — это Тайлер Далтон, правая рука Белфордов. Он — враг. Он — охотник. Он — тот, кто должен был её уничтожить. Но в игре на доверие ставки всегда высоки, а грань между ненавистью и любовью становится тоньше.

Даркрман о о сопротивлении — не только тем, кто желает тебя сломать, но и самому себе, чувствам и собственным принципам.

Содержание

ПРОЛОГ	6
ГЛАВА 1. ДЖЕННИФЕР	10
ГЛАВА 2. ДЖЕННИФЕР	15
ГЛАВА 3. ТАЙЛЕР	22
ГЛАВА 4. ТАЙЛЕР	32
ГЛАВА 5. ДЖЕННИФЕР	45
Конец ознакомительного фрагмента.	46

Кай Данн

Сопротивление

От автора

Посвящается всем, кто когда-либо ощущал себя слабым, встречал непреодолимые преграды, терял близких и дорогих вам людей. Помните: если у вас опускаются руки — вы не одни.

Мы бываем категоричны, бываем безжалостны, хотя временами мы разбиты и беспомощны. Верим в идеалы, которые рушатся, словно карточный домик. Единственное, чего мы хотим — любить и быть любимы. Обнимаю!

Предупреждение

Действия происходят в выдуманном городе. «Олдберг» — я специально искала несуществующее название, вроде не находила такого, если все же название совпадает с реально существующим местом, то не имеет никакого к нему отношения. Это касается и героев, любые совпадения (не приведи Господь) случайны.

Важно!

Если вы чувствительный человек, советую ознакомиться со списком триггеров, чтобы самостоятельно оценить свое психологическое состояние и готовность к подобному упоминанию в книге.

Триггеры

- Физическое насилие (в том числе подробные сцены драк, пыток, истязаний);
 - психологическое/эмоциональное насилие (газлайтинг, манипуляции, унижения, запугивание);
 - насилие в отношениях (абыюзивные отношения, токсичная динамика власти);
 - насилие над детьми или подростками;
 - графические описания травм, ран, крови;
 - панические атаки и тревожность;
 - раскрытие травмирующих воспоминаний;
 - травмирующая утрата, смерть близкого человека.
- Если вы готовы, то приступим.

ПРОЛОГ

КАССАНДРА ГИБСОН

Я ошиблась.

Меня убьют. Сегодня.

Пока я бегу по стеклянному коридору, черный бархат платья цепляется за вазу, которой с виду сотни лет. Она разбивается, и я молюсь, чтобы осколки впились в его кожу. На ходу снимаю каблуки. Где чертов выход?

Вокруг лабиринт пиршества и богатства. Тошнотворные залы, кресла и бархатные гардины. Бездушный антиквариат, никакой жизни.

Я проклиная бокал с недопитым шампанским на столике, в нем точно что-то было подмешано. Голова идет кругом. Проклинаю напольные часы, что стучат в гостиной, проклиная эту башню. Я проклиная вас, Белфорды!

И сжимаю в руках самое ценное.

Красную папку — справедливость для тех, кому не повезло встретиться с Белфордами на своем пути. Это ваше же искупление. Глаза мечутся в поисках выхода. Я выдыхаюсь, в боку больно колет, сердце стучит в голове, заглушая музыку.

Мой отец всегда был сильным. Каждый раз, когда мне было страшно, я думала, что бы он сделал. Он бы собрался,

дал отпор, он всегда защищал свою семью, своих дочек. И я должна защитить свою.

Прижимаю бумаги к груди. Передо мной только каменный балкон. Больше нет ничего, холодный мрамор столбов велит мне успокоиться и принять поражение. Гонка окончена. Его тень медленно растет за моей спиной.

— Я не хочу навредить! — мой голос срывается от страха, я надеюсь на ошметки человеческого в нем.

Но в его глазах мрак веселья, искры безумия. Непостижимая радость, с которой я никогда раньше не встречалась.

Мне нужен лишь один день. Я должна обо всем рассказать. Чувствую себя жалкой маленькой девочкой, которая не знает, что делать. В шестнадцать лет я проклинала Олдберг, а в тридцать пять готова сражаться за честь и людей Олдберга из последних сил.

— Ты ненавидишь мою семью, — он внезапно идет на контакт.

Я возражаю, хотя он прав.

— Нет, нет, я хочу помочь!

Я хочу засадить за решетку каждое чудовище, превратившее Олдберг в логово тьмы. Этот город был моим домом, домом моей сестры, домом моей дочери, а теперь я ненавижу себя каждый раз, когдаставляю Дженнифер за дверь. Только бы она осталась жива.

Он приближается, сжимая и разжимая нетерпеливые кулаки:

— Чего ты боишься? Меня? Я люблю тебя, Сандра. Мы все тебя любим, не делай этого.

Его безумие пробирает меня до костей. Если бы я только знала имя настоящего чудовища! Но я все поняла слишком поздно. Он угрожающе улыбается и раскрывает руки для объятий. Это мой шанс!

Я делаю рывок, чтобы обогнуть противника. Мое сердце яростно бьется.

Но я чувствую тяжелый удар под дых, а затем и по голове. Перед глазами расплывается каменный балкон, и я падаю на колени. Он подхватывает меня за плечи и тащит. Его размытый образ, стеклянные двери, мраморные ручки.

Я вижу Дженнифер. Откуда она здесь?

Нет, ее здесь нет, я отправила ее к Томасу, с ним она в безопасности. Мой мозг лихорадочно выдает мне все то, за что я так держалась при жизни. Моя девочка, она прячет боль за улыбкой. Я учила тебя, что мир жесток, но Олдберг будто создан для покаяния.

Она ведь послушается и никогда не вернется сюда, в апогей зла. Росс. Я не верю в Бога, никогда не верила. Но, если он слышит меня, а я чувствую, что больше ни на что не способна, пусть сквозь тебя услышит мои слова.

— Сандра, отдай чертовы бумажки!

Мой преследователь истерично кричит, разгибая по одному мои пальцы, которые намертво вцепились в папку.

— Это не бумажки, это жизни, — выдавливаю я, прежде

чем он хватает меня за горло.

— Умереть за них готова?

Я успеваю лишь моргнуть и чувствую толчок в грудь, после которого невозможно вздохнуть. Переваливаюсь через перила, они холодом трутся о мою спину, в животе скручивает узел от ожидания падения. Я снова вижу Дженнифер на секунду или даже меньше. Ее решительный взгляд. Ведь за ее робостью и застенчивостью скрывается настоящий огонь. Найдется ли тот, кто остановит ее, когда она узнает о моей смерти?

Я проиграла не только эту битву. Знаю, что не смогу защитить тебя, Дженнифер. Хотя все было не так уж плохо. Утром я еще была самым счастливым человеком.

Сгореть так неожиданно было моей мечтой.

С последним мыслями растворяется детская улыбка моей дочери, и воздух окутывает меня, принимая в свои объятия. Я стремительно падаю.

ГЛАВА 1. ДЖЕННИФЕР

— Разгребем ее барахло и поедem обратно, задерживаться не будем, — небрежно говорит отец, крепче сжимая руль.

Он бросает на меня быстрый взгляд, проверяя, не перегнул ли он палку. Сегодня ему стоит быть добрее. Я прячу в руках кулон с голубым шариком, чтобы эта частичка мамы не слышала грубых слов о ней.

— Ты на нее совсем не похожа, бусинка, — он уговаривает себя.

Чистейшая ложь.

Каждый день отец смотрит на меня и видит ее круглые карие глаза на смуглом лице, ее нос, губы и волосы цвета темного шоколада. Я знаю, что он видит ее во мне, и его сердце разбивается каждый раз.

Я ласково улыбаюсь отцу, скрывая безобразную усталость. Работа в магазине Майка стала невыносимой. Как и сам Майк.

— Не бери больше смен в строительном, этот парнишка тебя измотал, — внезапно говорит отец, словно читая мои мысли. — У тебя уже не первый раз после работы идет кровь из носа, нельзя так перетруждаться.

Я быстро оцениваю, правда ли он думает, что вчера у меня шла кровь из-за усталости. Но отец искренен. У нас никогда не было той неуловимой связи с родителями, при которой

они с полуслова чувствуют ложь. Только от подруг я слышала о таком. Ты говоришь, что в школе все хорошо, а папа по твоей мимике понимает, что тебя кто-то обидел. Я тянусь за бутылкой воды в бардачке и вижу маленькую фотографию мамы. Меня окутывает улыбка ее красных губ. Хотя мой папень и оказался неуравновешенным, работа в его магазине заполнила пустоту на время. Первое лето без нее.

— Добро пожаловать в захолустье, — комментирует отец, когда мы въезжаем в Олдберг.

Я открываю окно, в легкие врзается разряженный горных воздух. Раннее утро в Олдберге особо холодное, но я точно знаю, что днем выйдет солнце.

Туман скрывает вершины гор, там же возвышается город, будто тянется к самому небу. Асфальт влажный от утренней росы.

Я делаю еще один глоток пьянящего поднебесья, и отец жмет на кнопку, закрывающую окна во всем автомобиле.

Этот город только кажется старым и скучным. Он встречает нас крохотными магазинчиками, ухоженным центральным парком, где молодые мамочки мирно гуляют с колясками. Дома из древнего кирпича, часто заплесневелого или покрытого выющимися растениями, коротенькие улицы, нет верениц машин на дорогах. Каждая его улочка то поднимается, то спускается по склону. Вокруг раскидистый лес и торчащие пики скал, покрытые хвоей — такого не встретишь в мегаполисе. Посреди Олдберга проходит река, которую мы

благополучно пересекаем по главному мосту.

Безопасность.

Это обман, способный вызвать доверие. Олдберг — необузданный хищный зверь. В охоте на тех, кто не знает его правил и вступает с ним в игру, ему нет равных.

Мы заезжаем на родную улицу, машина с хрустом проезжает по камням и застывшей грязи. Я вижу крышу светлого дома. Крошечного, особенного домика, маминого гнездышка. Рассвет ласкает красным свечением белый забор, увитый плющом. И если Олдберг — безжалостный тиран, то это место — тихий уголок, который укутывает меня безмятежностью и спокойствием, словно мягким лоскутным одеялом. Я перестаю кусать губы и нервно теревить шнурок от своей куртки. Рой несмолкающих мыслей стихает.

Я дома.

Кажется, мама сейчас выйдет нахмуренная и отругает меня за то, что я снова приехала. Я переступаю порог. Кухня в оранжевых оттенках, клетчатая скатерть, зеркало в прихожей. Ее запах.

И сколько бы она ни гнала меня, я всегда оказывалась здесь. За пределами этого города меня нет.

— Ты только посмотри! — с показным восторгом кричит отец.

Я кладу на место мамину кружку и оглядываюсь. Дверца в кладовую открыта и качается от слабого ветра. Я захожу в темную комнатушку. Отец перебирает мамины фотографии.

— Сколько самолюбия! — он не уговорится.

На фотографиях мама счастливая. Ест хот-дог с другими профессорами из университета, читает книгу на озере, бежит по стадиону, поддерживая своих студентов на эстафете. Я беру в руки ночной снимок, на котором она в красном платье курит возле стены из черного кирпича. Я не знала о том, что она курила.

Но даже во тьме несложно узнать здание, которое ее погубило — Белфордская башня.

Пальцы покалывает от зловещей ауры, исходящей от фотографии. Я переворачиваю ее и вижу надпись: «Больше всего вам идет красный. Я спрятал ключ, как Вы и просили».

Сердце стучит быстрее, воздух кажется спертым. Я выхожу обратно на кухню с фотографиями в руках. Нервно оглядываюсь. Отца нет. Я наспех читаю надписи на других: «Меня чуть не поймали. Сандра, прошу, будьте осторожны». Мои глаза бешено бегают по строчкам несвязного текста, всплывают дурные фантазии о тайном любовнике. Это не просто фотографии, а послания.

Папа заглядывает через мое плечо, и я резко переворачиваю фото.

— Я забрал некоторые инструменты, мне пригодятся. Поехали домой, здесь невозможно находиться.

Слова вылетают раньше, чем я успеваю подумать о последствиях.

— Я остаюсь.

Отец усмехается. Но я не шучу.

— Я хочу остаться, папа.

ГЛАВА 2. ДЖЕННИФЕР

Я знала, что будет именно так.

— Белфордский?! Хочешь свести меня с ума! — отец переходит на крик, разговор явно не пошел.

Папа обычно не идет на переговоры. Все решается быстро и единогласно. И единственный голос — его. Я сжимаю кулаки, соскребая в себе крохи смелости. Фотографии стали последней каплей, приказывающей мне остаться. С того самого дня я прекрасно знаю, что все не то, чем кажется. Ее смерть несет чей-то замысел, не замечать которого может только один человек.

— И давно ты решила поступать сюда? — пыхтит он.

Ему не требуется мой ответ. Отец нахаживает круги по дому, демонстративно берясь за голову.

— Почему не сказала мне раньше?

— Ты бы не разрешил остаться, мы бы вообще тогда в Олдберг не приехали.

— Да! — Он отчаянно разводит руками. — Ты будешь дочерью учительницы, выбросившейся из окна. Этот город меньше моей ладони, они будут тыкать в тебя пальцами.

По спине пробегает холодок, и я закусываю губу, чтобы не перейти черту. Кто-то из нас должен отвечать за терпение. Но я поражаюсь его равнодушию.

— Она не выбросилась из окна, она упала с башни, —

цежу я сквозь зубы.

— Именно, Дженнифер! Она выбрала Башню Белфордов — единственное здание, которое видно с любой точки города. Умирать, так у всех на виду.

Глаза жжет от горячих подступающих слез. Вот только плакать при нем нельзя. Это правило я уже выучила.

— Сколько можно делать вид, что она сама решила уйти из жизни? — Я говорю тихо, но знаю, что он слышит каждое слово.

Лицо папы краснеет, и он надвигается грозной и массивной фигурой. Я осекаюсь, но уже поздно. Он берет меня за подбородок, больно сдавливая.

— Мы едем домой. Пошла в машину.

Как в этом мире все просто: не можешь договориться — решаешь силой. Главное — обладать этой большей силой.

Он толкает меня к двери, которая по волшебному совпадению открывается. И на пороге появляется мужской силуэт. Солнце освещает его седые волосы и играет лучами на его смуглом лице, испещренном мелкими морщинами. Мой ангел-хранитель, он всегда является в самый нужный момент.

— Дедушка! — я бросаюсь к нему в объятия.

— Дженни, солнце, — он прижимает меня к себе, и мое скованное напряжением тело начинает расслабляться.

— Гарольд, — отец, по всей видимости, протягивает ему руку, — рад видеть, но мы уже уезжаем.

Я отпускаю дедушку. Он потирает щетину и бросает оце-

ночный взгляд на мои джинсы, заляпанные краской из строительного, на клетчатую рубашку с протертыми локтями. Дедушка делает какие-то быстрые выводы, долго и молча смотрит на отца.

— Зайдите ко мне в гости, мы с Дженни наготовим ее любимых блинчиков. Этим летом я накрутил много варенья.

Я одариваю папу самым умоляющим и ангельским взглядом, который вынуждает его согласиться.

Дом дедушки находится в квартале от маминого дома, и мы доходим пешком за десять минут. Его двор усажен кустами малины и сиренью, нас с радостью встречает старая овчарка Челси. Я треплю за огромные уши доброго друга. В светлом доме пахнет бергамотом. Дедушка разливает чай по кружкам. Я рассматриваю салфетки с вышивкой, которые с любовью когда-то сделала бабушка. На шкафу виднеется доска для игры в Го¹ и два мешочка с фишками.

— Потом сыграем с тобой, — подмигивает мне дедушка.

— Мы не будем задерживаться, — обрывает его отец.

На лице дедушки появляется скептическая улыбка. Он открывает одну из банок с черным, как смоль, вареньем.

— Черника, — констатирует он, но за стол не садится.

Я чувствую подступающее напряжение. Бывших копов не бывает. Его самообладанию можно позавидовать, но я знаю дедушку: он что-то задумал.

¹ Древнекитайская стратегическая настольная игра.

— Рассказывай, Дженни, в этом году окончила школу. Как выпускной?

Я поглядываю на отца. Боюсь наговорить лишнего. Он безостановочно помешивает чай.

— Планируешь идти в университет или годик подождешь? Как сейчас у молодежи принято, — дедушка смеется. — Что насчет журналистики?

Мое лицо искажается, и я сдерживаюсь, чтобы не закашляться. Нервно отрываю кожицу губы, подбирая правильный ответ.

— Какая еще журналистика? Она идет в юридический, — бурчит отец.

Он даже не воспринял слова дедушки всерьез.

Но когда я делилась с вами мечтой, господин полицейский, я не думала, что Вы меня сдадите при первой возможности.

— Не помню, чтобы в Белфордском Университете был юридический факультет, хотя все меняется, — продолжает дедушка.

Господи Боже... Я вжимаюсь в стул.

— Она не идет ни в какой, — отец повышает голос, но в ступоре останавливается, смотрит то на меня, то на дедушку. — Вы издеваетесь? Ты знал, что она хочет учиться в Олдберге? Почему я последний узнаю?

Дедушка наклоняется к нему с хитрой улыбкой и пожимает плечами.

— Может, потому что ребенку нужна поддержка, хотя бы минимальная, а не только приказы. Это даже я понимаю.

Отец вскакивает на ноги, стул из-под него падает. Он тяжело дышит. Я тоже встаю и хватаю его за плечи, ставлю стул обратно и медленно сажаю отца.

Мужчины устраивают войны, женщины занимаются сглаживанием углов. Как меня все это достало.

— Давайте все успокоимся, — молю я, зыря на дедушку. — Сменим тему.

— Как там твой парень, Майк? — дедушка снова бьет по больному.

Как ему это удастся? Я закатываю глаза и без сил плюхаюсь за стол.

— Мы взяли паузу.

— Паузу? — отец вскидывает брови. — Ты поэтому не хочешь ехать домой? Потому что рассталась с каким-то сопляком?

Дедушка переворачивает первый блинчик на сковородке, тот с хлопком идеально ложится на свое место.

— У меня был один знакомый, он всегда делал тупые выводы. Потом ушел из полиции, болванам тяжело работать там, где нужно думать, — говорит дедушка.

Господь милостивый, заткни этого старика. Он устроит хаос.

— Что ты имеешь в виду, Гарри? Говори прямо, потому что я нахожусь здесь уже слишком долго, — отец раздражен.

но смотрит на часы.

— Боюсь, ты не вынесешь правды.

Дедушка подходит и кладет руки мне на плечи. Мы с отцом встречаемся совершенно разными взглядами. Я смотрю в его серые глаза, зная, что в них отражаются мои — карие. Мамины глаза. Потом он смотрит на мои волнистые волосы, которые сливаются с цветом бразильского палисандра, из которого изготовлены стулья. И если поставить меня рядом с папой, блондином со светлой кожей, никто и не подумает, что мы родственники. Мама, наверное, сильно была влюблена в него, ведь терпеть его характер просто невыносимо.

— Я всегда был к тебе снисходителен. Ты ведь выбор моей дочери, — бормочет дедушка. — Но она жила ради тебя, а теперь и эта девочка живет ради тебя.

— Прекрати, — шепчу я, зная, что он не остановится.

На лбу у папы выступает вена. Кажется, он сейчас сорвется с места и растерзает деда, а на меня полетят брызги крови. Но отец сцепляет руки в замок и по необъяснимой причине выслушивает. Желваки играют от злости.

— А как твой блог, который ты вела в том интернет-портале?

— Что? Нормально, — я оборачиваюсь к дедушке.

— Наверное, сможешь использовать это при поступлении.

— Вряд ли, — я мотаю головой и возвращаюсь взглядом к отцу. До меня медленно доходит, что и о блоге он не в курсе. Он ни о чем не в курсе.

Значит, это шоу под названием «Я знаю твою дочь лучше, чем ты сам». Пора заканчивать. Я открываю рот, но отец поднимается, глядя на часы.

— Она поступит в Белфордский, потом окажется у них в башне, потом начнет встречаться с каким-нибудь из этих подонков, он ее обрюхатит, и ты это поддерживаешь. Вот только, когда ты, Гарольд, поймешь, что это была ошибка, будет уже слишком поздно.

Фигура отца скрывается в коридоре, а затем дверь драматично захлопывается. Я вздрагиваю от этого грохота. Но дедушка спокойно садится на его место. Благодаря отсутствию отца буря внутри меня устаканивается. Мирно это все равно не решилось бы.

Он ушел. Хотя так разглагольствовал об опасности Олдберга, но его гордость задета, поэтому он спокойно оставляет меня здесь, а за домом раздается шум колес.

— Знаешь, Дженни, это хорошо, что ты рассталась с Майком, — дедушка улыбается. — Тебе не обязательно выбирать таких же агрессивных ребят, как твой отец.

И как он понял, что у Майка проблемы с агрессией?

ГЛАВА 3. ТАЙЛЕР

Я опускаюсь на колени и завязываю шнурки Эрни. Из его носа течет протяженная сопля, я стираю ее собственными пальцами. Поднимаюсь и читаю сообщение от Гила.

Говнюк.

Будет поздно, просит прикрыть его.

— Хиз! — вижу пролетающую мимо копну рыжих волос и даже не поворачиваюсь в ее сторону, окликая.

— Тайлер, солнце!

Не подлизывайся, сучка. Я прекрасно видел, как ты пытаешься свалить поскорее.

— Я на тренировку, отведи Эрни домой, — бормочу я, не отрываясь телефона, печатая ответ Гилу.

Она раздраженно вздыхает, но берет Эрнесто за руку и прощается с подружками. Еще надо пережить тренировку. Я хрущу шеей, вращаю правой рукой, отчего плечо болезненно ноет.

— Только не как в прошлый раз! До дома чтоб довела, — я грожу пальцем Белфордской девчонке, которой никто в этом мире не указ. Почти никто.

Пусть только попробует не провести его до самой комнаты.

Хизер мило улыбается и кивает. Эрни медленно плетется рядом с ней, склонив голову. Он переваливается с ноги на

ногу, будто большой ребенок. А он действительно большой. Иногда самым крупным ребятам нужна особая забота и помощь, например, если они больны.

— Пожалуйста, Далтон!

Ненавижу, когда Терри зовет меня по фамилии. Не знаю, что именно меня бесит, ведь эта фамилия многое для меня значит. Но она не для друзей. Обычно он позволяет себе это только, когда хочет показать нашу разницу в возрасте. Терри все-таки ровесник Гила. Между нами закрались весомые пять лет, хотя ни с Терренсом, ни с Гилом я эту разницу никогда не чувствовал.

— Не могу, мне нужно забрать Ивви с музыкальной школы.

— Ой, боже, она большая уже, сколько ей? Шестнадцать? Больше.

Я натягиваю худы. Нечего мусолить эту тему. Я могу сказать нет кому угодно, кроме Ив.

— Пусть ее забирает заботливый брат.

Я бы посмеялся, Терри, если бы ее заботливый брат был немного послушнее. Но он хренова безответственность. В его жизни уже давно главенствующее место заняли три С: спорт, секс и сон. Что довольно неплохо сказывается на его состоянии, так он себя и вытащил из дерьма. Мне стоило бы смириться с собственной участью и делать то же самое.

— Я ей вместо заботливого брата, — резко говорю я, желая, чтобы он отвязался, и захлопываю шкафчик.

Ивви явно рождена не в той семье, не в то время. И ее родители не смогут ее защитить. Не уверен, что и я смогу. Но хотя бы пытаюсь.

И когда я вижу ее с лучезарной улыбкой возле здания музыкальной школы, во мне разливается нечто теплое, забытое. Это ведь испытывают люди, когда думают о семье? «Они мне как семья» — заученная фраза, что отлетает от зубов с тех пор, как я научился говорить.

— Тайлер! — восклицает Ив.

Она радуется каждый раз. Ее черные волосы заплетены в длинную косичку, которая раскачивается из стороны в сторону, пока она летит ко мне. Я не слишком внимательно слушаю истории о каком-то композиторе, который ее жутко вдохновляет. Мы забираемся в джип. Голубое платье прилегает к смуглой коже, Хизер говорит, одноклассники Ивви уже сходят с ума. Интересно, если Ивви заявит, что у нее появился парень, насколько короткую цепь подберет Ричард, чтобы она всегда была у его ноги?

Как и все. Каждый должен знать свое место.

Место Белфордских отпрысков в обществе кажется возвышенным, но никто из этих невежд не видел, что происходит в стенах башни.

— А что с Гилом? — взволнованно спрашивает Ивви.

— Ничего, опоздает.

Красный свет отражается в лобовом стекле. Я выставляю локоть в открытое окно.

— Вот идиот! Опять тебе разгребать, дядя будет в ярости. Я усмехаюсь, зачесывая волосы. Так и будет.

— Ничего, сочтемся, — кладу руку обратно на руль.

Мне — угол, ему — подвал. Светофор загорается зеленым, и я трогаюсь.

Но краем глаза вижу, что Ивви не удовлетворил мой ответ. Поворачиваю к фонтану и торможу.

— Главное — не вступай в конфликт. Пожалуйста, Тайлер.

Я смотрю в ее кристальные глазки, сверкающие от злости. Если бы не голубые глаза Вильяма, никто бы и не подумал, что Эрни и Ивви брат с сестрой. Большой ребенок, увалень-страший и хрупкая, но очень умная младшая. В их лицах есть что-то схожее: наивность, маленький носик.

Ивви открывает дверь и спускается, ее талия оказывается на уровне двери. Она воинственно смотрит на башню, словно сейчас плюнет на ее стены. Маленький солдатик, из всей семьи я находил с ней больше всего общего.

— Я боюсь за тебя, — резко заявляет она. — А Ричарда я не боюсь! Однажды он узнает, что моя преданность была всего лишь страхом за близких, но будет поздно. Он уже будет вытаскивать нож из спины.

Слово в слово повторила.

— Это мои слова, — вот опять я улыбаюсь. — Не смей их сказать при нем.

Иначе мне придется убить его. Пока он не убил тебя.

Эти слова я говорил в порыве злости, на деле — предать не так уж и легко. Ивви захлопывает дверь и бредет к воротам, чтобы позвонить в домофон. Она долго стоит у ворот, поэтому я выхожу из машины, вдыхая прохладный вечерний воздух. Сумерки спускаются на Олдберг, а скалы сжимают его своим каменным кольцом.

Мои глаза выплепляют движение около фонтана. Девушка?

Клетчатая рубашка, простые джинсы с пожелтевшими коленками. Здесь таких не бывает. Но в противоречие самому себе я опускаю взгляд на собственные кроссовки, которые выглядят так, словно пережили ядерную войну.

Кроме меня, здесь таких не бывает.

Я подхожу ближе. Невысокая девушка с темно-каштановыми волосами касается пальцами кафеля фонтана, трогает гравировку. И я чувствую подозрительное волнение от того, что не могу узнать ее со спины. Я смотрю на собственную руку, которую протягиваю к ее плечу. Но замираю, потому что она резко садится на корточки.

Да что за хрень?

Моя рука дрожит, меня всего трясет от смятения. От ее ненавязчивых, но беспорядочных действий. Она гладит асфальт.

Я быстро придумываю логичную причину своего озноба. Это из-за тренировок и двухчасового сна. Точно.

— Что ты делаешь?

Спрашиваю жестко, насколько это возможно. Нечего

здесь бродить.

Она лишь поднимает голову, но не спешит обернуться. Даже не вздрогнула. И меня пробирает холод от этого.

Когда видишь команду противника, как они себя ведут, как смотрит на тебя их капитан, считаешь сильную или слабую ауру. И бывает, что одного поворота головы достаточно, чтобы тебя бросило в пот, а сердце в панике забилося. Тогда ты сосредотачиваешь все силы только на том, чтобы противник не обнаружил твоей слабости, зловонности твоего страха.

Так вот, у нее аура явно не слабая.

Незнакомка встает, наши взгляды врезаются друг в друга. Она уже ведет немой бой со мной.

Я должен прогнать ее, но не могу сформулировать ясную мысль под впечатлением от круглых темно-карих глаз. Медленно спускаясь по ее лицу и убеждаюсь в странной мысли. Я ее уже где-то видел. Нос с округлым кончиком, напоминающим капельку, полные, но обветренные губы. Ее лицо словно не успело потерять детские черты, но уже обрело вынужденную непримиримость.

— Это разве не общественное место? Я не могу здесь находиться?

Она швыряет вопрос в лоб.

Ну что ж, твой выбор.

— Не местная? — не жду ответа и продолжаю. — Это заметно, и здесь лучше об этом не кричать. Пришла поглазеть

на главную достопримечательность города — пожалуйста.

Уголок ее губы дергается вверх в усмешке.

— Часовая башня или университетский мост, а, может, лучше старейшая городская библиотека — это достопримечательности. А не четыре башни из черного кирпича.

Значит, местная.

Ненавидит Белфордов? Не такая уж и редкость. Ричарда либо боготворят, либо видят в нем дьявола.

И тот факт, что она — второй вариант, даже возбуждает.

Меня продолжает мучить нетерпеливый разум, рыщущий в женских образах, когда-либо встречавшихся мне в жизни. И появляется лишь один, из глубокого детства, но этого не может быть.

— Как тебя зовут? — Она делает первый шаг и морально, и физически, оказываясь всего в нескольких дюймах от меня.

— Тайлер.

Слегка терпкий, карамельный запах, исходящий от нее, испытывает меня на прочность, во мне рождается желание наклониться к ее шее.

Он ей очень подходит. Нет в ней легкости и беззаботности, присущей девчонкам ее возраста. Впервые я чувствую потребность распробовать девушку с первых секунд знакомства. Хочу знать о ней больше.

— А твое имя?

Я успеваю только задать вопрос, как меня окликает Ивви с

недовольным видом. И моя заинтригованность развеивается под гнетом тяжелых ворот, которые уже открываются, зовут на службу тому самому дьяволу, по чью душу пришла эта девушка, я в этом уверен.

— До свидания, Тайлер, — она быстро кивает и еще быстрее уходит.

Единственное поразительное событие за день.

Дальше все идет по-обычному распорядку. Заезжаю в Белфордские владения. Вытаскиваю вещи Ив. Глажу радостных собак, кроме одного, который до сих пор скалится при виде меня. Пошел к черту.

Поднимаюсь по мраморным ступенькам и захожу в башню, придерживая дверь для Ив. Все по-обычному распорядку. Выбивается из рутины только бесконечная тирада вопросов Иввет о незнакомке. Она не верит мне, что я понятия не имею, кто это. Хитро улыбается.

Нас встречает Ванесса, которая тут же забирает у Ивви сумки с нотами и учебниками. Если не знать, что Ванесса — это лишь гувернантка, которую Ричард нанял с самого рождения Ив, то можно было бы подумать, что она ее мать. На Ванессу Ивви больше похожа, что внешне, что характером.

В доме царит гробовое молчание, заметное еще сильнее из-за потрескивания камина. Нет, это не безмятежный покой домашнего уюта, это безмолвное ожидание.

По обычному распорядку.

За стеклянным длинным столом в гостиной сидят Хиз и Эрни. Я внутренне выдыхаю — она привела его домой. Атмосферой в башне легко проникнуться, посмотрев на самую общительную девушку в мире. Она молчит. Только в стенах собственного дома дочь Ричарда Белфорда лишний раз не открывает рот.

— Тайлер, Господи! — шепотом восклицает Хизер. — Ты пришел.

— Уже спускался? — я спрашиваю, усаживаясь рядом с Эрни.

Я хочу отдышаться, просто отдышаться, ведь когда я услышу его шаги, то соскочу со стула. Хиз невротически кивает.

Значит, она уже столкнулась с немилостью отца.

— Сегодня пятница. Где, сука, Гил? — длинными пальцами она сжимает свои волосы.

— Успокойся, — я тянусь через стол и беру ее за руку.

У нее ледяные ладони. Хизер в ужасе.

Что бы люди не думали о нашем совершенно разном положении в семье Белфорд, за этим столом все равны, кроме хозяина. Каждого ждет свой личный кошмар, здесь главная валюта — власть.

Наверху раздаются негромкие шаги, размеренные. И Хизер покрывается гусиной кожей.

— Это Ванесса ее задерживает? Где Ивви?

Шаги становятся более различимыми, и я вскакиваю, чуть

не перевернув стул. Бегу к лестнице, ведущей к спальне Хизер и Ивви. Благо к кабинету Ричарда ведет другая лестница. Поднимаюсь на пролет и выдергиваю Ивви, которую, к счастью, вижу в проеме.

Я успеваю только швырнуть Ив в сторону стола, как на лестнице появляется Ричард.

Черная рубашка, даже в брюки не заправил. Он в плохом настроении.

По уровню от одного до десяти — мы сегодня сдохнем.

ГЛАВА 4. ТАЙЛЕР

Ричард медленно подходит к столу, трогая его стеклянные грани. Сегодня он небритый, седые короткие волосы контрастируют с кожей орехового оттенка. Я замечаю золотые кольца на его правой руке, и нерв на моем лице дергается.

Прошло всего две недели с нашей последней стычки. Незабываемые ощущения.

Его взгляд блуждает по столу и останавливается на мне. Твою мать.

— Моего сына еще нет дома, но ты считаешь, что можешь сидеть с нами за одним столом?

Его низкий голос заполняет комнату.

Я ведь стою, козлина. Понимаю, что он наблюдал за нами какое-то время и видел, что я позволил себе несусветную дерзость. Присел до появления Гила.

— Ты попала в список стипендиатов?

Он обращается к Хизер. Она кивает, пряча под столом трясущиеся руки. Конечно, попала. Она Белфорд. Что-то тут не так. Почему он спрашивает?

— Правильный ответ — нет.

Ричард играет с ее страхом.

— Она попала, я проверял список, — уверенно говорю я, встречаясь с ее перепуганными глазами, которые кричат, чтобы я заткнулся.

— Ты говоришь, когда я тебя спрашиваю, — Ричард грозит пальцем в мою сторону.

Он обходит Хизер, оказываясь за ее спиной, и со свистом опускает руки на ее плечи. И к сожалению, замечает, как я сжимаю спинку стула. Смотря прямо мне в глаза, он наклоняется к ее уху.

— Ты попала в список только потому, что я об этом позаботился. Ты не прошла. Но моя дочь не может быть не на первом месте, это все еще не очевидно для тебя? Подними голову, — он дергает ее за подбородок вверх, — и смотри вперед.

Нутром чувствую, это не причина его бешенства.

Хизер сглатывает и быстро моргает, чтобы скопившиеся слезинки не потекли по лицу.

— Я поняла.

Хищный взгляд ищет новую жертву, падает на Эрни.

— У нас скоро ежегодный бал, — Ричард гладит по голове Хиз, подавляя Эрнесто, — а мой племянничек похож на жирного кабана.

— Банкет, — поправляю я.

Ричард громко втягивает воздух, держась из последних сил.

— Закрой рот.

Мне вообще плевать, как называть пир во время чумы. Его суть не меняется. Богатые и жадные до власти собираются, заводят связи и вылизывают задницы друг друга. Мы

— массовка.

Я сказал это просто так. Потому что он меня бесит.

Эрни всегда был пухлым. Это для тебя новость?

— Прости, дядя, — Эрни всхлипывает, снимая очки, протирает отпечаток на носу.

— Твой отец возлагает на тебя большие надежды, ты на многое способен, Эрнесто. Пусть ходит в зал.

Последнее адресуется мне. Следить за тем, чтобы Эрнесто привел себя в порядок, должен буду я.

Ричарда одновременно до жути раздражает Эрни, но он требует от нас постоянного сопровождения его, помощи и поддержки. Вывод напрашивается сам собой — ему все же жаль Эрни.

Но я не успеваю обрадоваться, как Ричард швыряет на стол какую-то розовую тетрадку на кольцах. Она уже мелькала где-то перед моими глазами. Вдруг Ив, сидящая рядом с Хизер, вскакивает на ноги.

— Место, Иввет, — тихо цедит Ричард. — Каждый должен знать свое место.

Ее ноздри раздуваются от гнева, а глаза наливаются злостью, словно сейчас лопнут. Это не разговор о какой-нибудь двойке. Я теряюсь от невозможности защитить ее.

Ненавижу, когда я не в курсе чего-либо. Не знаешь ситуации — не можешь ее контролировать.

— Прекрати! — она вскрикивает и даже не собирается садиться по его приказу.

Если бы Ивви была больной, как ее брат Эрни, или была бы послушной и боязливой, как Хизер, он бы не пытался подчинить ее.

— Тайлер, попей водички, успокойся, — Ричард не сводит с меня взгляд с тех пор, как начал поочередные унижения. — Я сказал: попей воды.

Я наливаю неполный стакан воды из графина и демонстративно делаю глоток. Это реально должно меня успокоить? Смыть ненависть из моего взгляда?

Глядя на меня, Ивви с опаской усаживается, боится, что вечер закончится кровью.

Ричард поднимает со стола тетрадь и открывает на определенной странице.

— Я не верю, что это сделала она.

Он замолкает. Одна строчка — я все понял. Все поняли. Боль, загнанная глубоко под кожу, начинает сводить мне челюсть. Он продолжает смотреть на меня, отвлекаясь лишь на записи Ивви. Значит, это что-то вроде ее личного дневника.

Ричард прокашливается и продолжает читать:

— Она не могла этого сделать, есть люди, не способные на такое.

Хватит.

— Простив даже худшего врага всей своей жизни, она не может просто убить человека. Я в это не верю.

Стакан, который я держу все это время, лопается от напряжения, скопившегося в руке. Стекло врезается мне в па-

лец, и только Хизер вздрагивает и опускает голову. Ивви за-
жмуривается.

Ричард вальяжно подходит к камину и бросает тетрадь в
огонь.

Я ставлю остатки стакана с торчащими острыми краями
на стол.

— Простила худшего врага, — он зловеще усмехается. —
Я простил ей то, что она сотворила в этих стенах. Я молчу
и буду молчать об этом до самой своей смерти. И каждый
из вас!

Он быстро передвигается ко мне и бьет кулаком о стол.

— Каждый из вас, — вливается в меня взглядом, — осо-
бенно неблагодарных, должен молиться о моем здоровье, по-
тому что, кроме меня, вас никто больше не защитит.

Он хочет увидеть мою реакцию, но он ее не получит.

Ешь, что дают.

Наш зрительный контакт разбивается о скрежетание вход-
ной двери. Быстрые шаги приближаются к гостиной, и, на-
конец, раздается взволнованный голос Гила.

— Опоздал, виноват! — он подбегает к отцу.

С моих плеч падает камень, когда я слышу его.

Ричард недовольно оглядывает сына и идет к своему тро-
ну, высокому стулу из красного дерева, который позволяет
как-бы восседать над всеми остальными. Если бы он только
знал, насколько его потуги власти смешны.

— Простите, — шепчет Гил нам, падая на стул рядом со

мной.

Он закатывает рукава черной толстовки, обнажая испещренные татуировками руки.

Ги́ла никогда не муштровали при всех. Но у Ричарда особый подход к каждому, он отменный садист. Если у кого-то появилась мысль, что любимого сыночка он не ругает, ведь относится к нему иначе, ставя выше других, то это ошибка. Только сам Господь знает, что происходит за дверями его кабинета, когда он зовет Ги́ла поговорить лично.

Те, кого Ричард любит, страдают в сотни раз больше остальных. Так что даже на секунду во мне никогда не закрадывалась зависть к Гилу или Хизер. Я прожил в этой семье столько лет, и мое положение меня устраивает больше. Если они еще пытаются изобразить детей, любящих своего отца, то про меня он все прекрасно знает.

Я просто должен быть здесь.

Должен, а не хочу.

Наконец, Ричард уходит. А прислуга начинает приносить ужин, боязливо поглядывая на трон своего господина.

— Спасибо, что прикрыл, — говорит Гил, втаптывая помидоры в пюре.

— Он не спрашивал о тебе.

Хизер до сих пор пытается придти в себя. Ивви просто отодвинула свою тарелку куда подальше и смотрит в стену.

— Надо поговорить, — Гил смотрит на меня с полной серьезностью. — Он захочет меня видеть минут через десять,

так что поторопимся.

Мы выходим на задний двор. И он становится настоящим, его уверенность крошится на глазах.

— Что случилось? — Я реагирую, но что-то подсказывает мне, что я не хочу знать.

Гил облакачивается на стену из черного кирпича и достает сигареты. Закуривает прежде, чем объяснить.

— Иногда меня не отпускает ощущение, что я пытаюсь предотвратить катастрофу, — выпускает дымное облако, — и все мои усилия бесполезны.

Тяжелый вздох не оставляет надежды на хорошие новости. Да говори уже!

— Гибсон в Олдберге.

Гибсон? Что, прямо та самая Гибсон? Нет, тогда Гил сошел бы с ума окончательно.

— Которая?

Я получаю слегка презрительный взгляд, осуждающий мое спокойствие. Он затягивается еще сильнее.

Значит, не Сабрина.

Дочь Кассандры. Как ее там звали?

— Ну и что? — Я расстегиваю фланелевую рубашку и снимаю, оставаясь в одной футболке. После того, что устроил Ричард, мне до сих пор не хватает воздуха, стоит вспомнить ошарашенные глаза Ивви. — Она будет приезжать сюда, здесь дом ее матери.

Гил молча машет головой. По его лицу件нятно, что он

уже нарисовал себе страшную картину.

— Я ее помню, — бросает он, передавая сигарету мне. — Она была ребенком. Очень изменилась.

— Последняя? — я изумленно забираю почти докуренную сигарету. — Почему у самого богатого наследника города нет бесконечного запаса курева?

— У него были бы ящики курева, если бы ты не таскал из его комнаты по четыре пачки в день.

Я улыбаюсь и стряхиваю пепел.

О чем мы говорили? А, точно. Гибсоны учились с нами.

Не уверен, что хотел бы иметь больше воспоминаний, но я почти ничего не помню. Мое детство — время до той жизни, которая у меня сейчас, его словно не было. Я знаю лишь конкретные факты о себе.

Глаза сами собой закрываются, и я опираюсь спиной о стену башни. Хочу спать. Усталость накатывает, как только ты дашь ей малейшую надежду.

— Она уже была здесь.

Слова Гила окатывают меня, будто ведро холодной воды. И я уже заинтересованно смотрю на него. Здесь?

— У башни, — поясняет он. — Когда я спешил на ужин, чуть не сбил ее.

— И ты узнал ее спустя столько лет?

Он запрокидывает голову, прочесывая темные волосы рукой. Сука. Ненавижу, когда он такой. Если Гил в таком состоянии, обязательно случается дерьмо.

— Я был на похоронах Кассандры. — Он смущенно поднимает глаза в мою сторону, но тут же отводит, видя мой открытый рот. — Так что, я видел ее дочь еще в прошлом году, это точно она.

— Ты охренел?

Из дверного проема выглядывает Бен, сын Ванессы.

— Тебя зовет, — он обращается ко мне.

Я киваю, и Бен скрывается за стеной.

— Гил, — я подбираю окурок, вылетевший у меня из рук, и прячу в карман. — Приди в себя. Никакой паники. Будем действовать по обычному плану. Разберемся с ней сами.

Я стою в ожидании, пока он не качает головой в согласии.

— Наблюдение. Сближение.

— Контроль. Подчинение, — заканчиваю я.

Законы обезвреживания врага, которыми мы пользовались сотни раз. Ричард вывел эти правила за годы своей работы с людьми, и они, как ни прискорбно, не подводят.

Но Гил произносит их неуверенно. Потому что он не такой, и все эти правила ему претят. Его черные глаза добавляют воинственности, как и другие резкие черты лица.

Хоть бы одна из тех девушек, которыми ты затыкаешь свое свободное время, видела тебя настоящим, а не только внешнюю картинку.

— Я знаю, что тебе тяжело, но ты справишься. И еще надо, чтобы ее никто не трогал. Предупреди Хиз, пусть будет мила с ней.

— Ты сам ей займешься? — вопрос летит мне в спину.

Я киваю и заворачиваю в башню. Но Гил добавляет:

— Предупреждаю: если она что-то выкинет, я напугаю ее так, что она собственное имя забудет, не то что дорогу в Олдберг.

Не сомневаюсь. Ведь если что-то случится, Гил опять будет винить себя.

Сколько Гибсон не уберегли ни удача, ни Бог, ни Гилберт, им ничто не помогло.

Бен отлипает от стены, видя меня одним «рабочим» глазом, и следует за мной. Мы поднимаемся во вторую башню. Как же долго нужно переться туда, если не пользоваться сокращенным ходом...

— До полуночи метнись к Адаму, — приказывает Ричард, как только мы переступаем порог его кабинета. — Выясни, что с товаром.

Я уже не сжимаю челюсть до скрипа, как раньше. Когда я впервые услышал о товаре, представлял себе коробки, набитые одеждой, или мебель, или сырье для строительства. Я и о запрещенном товаре думал, когда первый раз дрожащий стоял на пороге у Адама. Я думал, о каком угодно товаре.

Но не о живом.

Осталось ли во мне что-то человеческое, если я просто запоминаю его приказы и иду исполнять? Я тут же начинаю ощущать то, что лежит у меня в кармане брюк до сих пор,

с того самого дня. Я не выбросил это дерьмо, сделав свою жизнь еще сложнее, и не только свою.

— С товаром что-то не так? — я возвращаюсь к вопросам поставки.

— На этой неделе я приглашал в Авалон важных гостей. — Он скучающе наклоняет голову в бок. — Им нужно предоставлять лучшее, а не вторичную гниль. А еще он все время болтает что-то о праве выбора.

Он просто относится к женщинам, как к людям, выполняющим свою работу. А не как к материалу.

— С Монтеро было проще. — Ричард расстегивает верхние пуговицы рубашки, полностью расслабляясь. — Короче, объясни Адаму, что я от него хочу.

Я ничего не чувствую.

— Понял. Могу идти?

— Бен пойдет с тобой, Хантер в последнее время нервный.

Несмотря на моменты просветления в наших отношениях с Адамом Хантером, мы не ладим. Бен идет со мной не для защиты, а чтобы вовремя остановить нас, напомнив о сотрудничестве без войн. Бен старше меня, он вырос в этой башне. Выполняя приказы Ричарда, когда-то получил жуткий шрам на все лицо и слепоту на один глаз. Не знаю, что конкретно произошло. Но у таких, как мы, — нет будущего. Поколение Белфордских рабов.

Я уже размышлял об этом: каждый, кто служит Белфор-

ду, либо родственник того, кто уже подчинен его системе, либо предан, потому что кто-то из его близких страшно провинился перед Ричардом.

Раньше Бенни казался мне таким взрослым, одноклассник Гила. Еще он казался добрым и открытым, с чересчур большими хрустальными глазами и светлыми волосами. Но светлые волосы стали русым, руки огрубели, он все меньше разговаривает с каждым годом.

Но с Гилом он до сих пор общается.

— Тайлер, — моя бровь дергается, когда Ричард произносит мое имя. — Все спокойно? В городе никаких новостей?

Мгновение. Дано лишь мгновение, чтобы принять правильное решение.

— Ничего. Тишина.

Я сам разберусь с Гибсон. Ему знать необязательно.

Если Гил не будет тупить или таять от мягкости своего сердца, то мы справимся намного быстрее.

На мне отпечатком остался взгляд темных круглых глаз девчонки у фонтана.

Гил говорит, что встретил Гибсон, когда бежал на ужин. Значит, это была она.

Вот почему она показалась мне знакомой.

Значит, в закромах моей памяти о детстве все же остались тусклые образы каких-то людей.

Почему-то мне кажется, что наблюдение, сближение и контроль пройдут без напряжения. Но получится ли подчинить

ее раньше, чем о ней узнает Ричард и начнет действовать своими методами?

Подчинить можно почти любого, но есть и те, кто оказывают сопротивление.

ГЛАВА 5. ДЖЕННИФЕР

Майк бежит за мной, я стираю колени в кровь, когда падаю на бетонный пол. Не могу найти выход в грязном гараже. Воздух загазован, мн

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.